СЬПЕЦВЫПУСК: Публікацыі, зь якіх цалкам складзены гэты нумар, вышлі за межамі Рэспублікі. Ім не знайшлося месца на старонках беларускіх газэт. Падобна, што нашыя ўласныя праблемы цікавяць прыбалтыйскую і маскоўскую прэсу болей, чым нас саміх.

НАВіНЫ

Выданьне Арганізацыйнага камітэту.

5 (1989

БЕЛАРУСКАГА НАРОДНАГА ФРОНТУ ЗА ПЕРАБУДОВУ «АДРАДЖЭНЬНЕ»

"Молодёжь Эстонии", 13 траўня 1989 — "Навіны".

На актуальные темы с народным депутатом СССР писателем Василем БЫКОВЫМ беседует наш корреспондент Элла АГРАНОВСКАЯ.

СМЕШНО НЕ ПРИЗНАВАТЬ ТО, ЧТО ОСВЯЩЕНО ВРЕМЕНЕМ

— Как вы полагаете, Василь Владимирович, это нормальное, естественное развитие процесса, именуемого перестройкой, когда самый высокий градус напряжения связан с межнациональными отношениями?

— Вы имеете в виду национальные республики?

— Да, конечно.

— Это, очевидно, неизбежно. Хотя по большому счету быть не должно. Ибо все-таки в национальной республике главное должно определяться волей коренного населения. И это совершенно естественно. Это элементарно. Ведь никому не придет в голову, скажем, во Франции, хотя там тоже много выходцев из других стран, требовать от французов перестроить свои традиции в угоду национальным меньшинствам. А вот у нас это возможно. Конечно, это нечто иное, как рецидивы антидемократических времен, пережитки сталинизма. Хотя лично я полагаю, что национальные меньшинства в республиках имеют право на свое национальное развитие, развитие своей культуры сообразно собственной воле. Это тоже совершенно естественно. И если коренное население не обеспечивает им этой возможности, это очень плохо, это также антидемократично.

— Но насколько я успела понять, в Белоруссии сегодня со всей очевидностью просматривается не столько межнациональное, сколько политическое противостояние?

— Да, скорее политическое. Потому что мы просто еще не вышли из состояния, навязанного сталинскими тенденциями. Внедренные в двадцатые, тридцатые, сороковые годы, они глубоко проникли во все части населения, и белорусского, и небелорусского. Вот поэтому пока противостояние проходит именно на этом рубеже — сталинизма и антисталинизма. Но уже кое-что просматривается и в смысле национального размежевания. И хотя национальное самосознание белорусов, резко ослабленное в прежние годы, еще только-только пробуждается, оно уже, тем не менее, встречает противодействие небелорусского, в основном, русского населения, которое усматривает в этом угрозу для своих интересов.

— И она действительно существует, эта угроза?

— Откровенно признаться, никакого ущемления не только нет, но еще долгое время и быть не может. Если вообще не исключено. Ведь вся культура в Белоруссии, в общем-то, прорусская. И если сейчас мы, деятели белорусской культуры, забили тревогу, то потому, что исчезает последний оплот национальной культуры — язык. Появилась угроза исчезновения белорусского языка. Хотя сейчас и идут разговоры и требования насчет придания ему статуса государственного, состояние, когда белорусский язык стал бы доминирующим, весьма проблематично. И если здраво поразмыслить об этом, то русскому населению нечего тревожиться. По крайней мере, в ближайшие годы русский язык и все, что касается русской культуры, будет обеспечено совершенно.

— Василь Владимирович, это хорошо или это плохо?

— Я сейчас говорю об этом русско-белорусском конфликте, и для Белоруссии это, конечно, плохо. Это плохо потому, что хотя мы говорим о двуязычии, на деле двуязычие выражается в подавлении белорусского элемента в языке. И для развития белорусской культуры это трагично. Ведь сегодня белорусская культура не может конкурировать на равных с русской культурой в Белоруссии. Как следствие прежней политики — государственной, партийной — русская культура во главе с русским языком укоренилась здесь основательно.

— Конечно, это чудовищно, когда видишь по телевидению, как репортер обращается к крестьянину с вопросом на литературном белорусском языке, а тот ему отвечает на искаженном русском. Но все-таки мне кажется, что сейчас гораздо чаще, чем раньше, можно услышать на улицах белорусскую речь.

— Знаете, это только случайно. На самом деле — нет. Потому что дело не только в проявлении или выявлении этого белорусского элемента. Дело еще в том, что белорусы отвыкли от своего языка, а молодежь и вовсе его не знает. Особенно городская молодежь, поскольку в школах она его не изучала, а в бытовом общении он был исключен. И если вы можете услышать белорусскую речь, то только среди какой-то части творческой интеллигенции.

— А вы, Василь Владимирович, пишете на обоих языках?

— Я пишу на белорусском.

— Но могли бы писать и на русском?

— Это, конечно, особый разговор, но коль вы спросили... Я потом перевожу на русский произведения, написанные по-белорусски. Потому что просто не существует школы, я бы сказал, удовлетворительного литературного перевода с белорусского языка на русский. В связи с близостью этих языков тут получается что-то, так сказать, неисследованное. Очень добросовестно выполненный перевод с белорусского совершенно неудовлетворителен на русском. Поэтому приходится переписывать заново, переосмысливая на другом языке. Но это может сделать только автор, это не может сделать переводчик.

— А вот, очень интересно, на каком языке вы думаете?

— Думаю? Когда пишу, то думаю, конечно, по-белорусски. А вот в политике, в общественной жизни — разумеется, как говоришь, так и думаешь.

— Василь Владимирович, раньше вы тоже так много занимались общественной деятельностью, или это перестройка вас вовлекла?

— Да вы знаете, я не общественник, я не люблю эту деятельность.

— Вот и мне так припоминается. Жили вы не в столице, а в Гродно, и довольно замкнуто...

— Конечно! И это понятно: писатель — это кустарь-одиночка. Это единоличник и индивидуалист. Иначе и быть не может. А сейчас просто... знаете, по-другому и нельзя. Вот мы говорим: развернулась перестройка. Но перестройка вызвала к жизни дремавшие доселе народные силы, народную энергию. Это понятно и это уже общепризнано. У молодежи она проявилась в самой популярной ныне форме — неформальных объединений. Эти неформальные движения, например, в Прибалтике привели к каким-то значительным сдвигам в общественно-политической жизни. У нас они пока что не привели. Потому что с самого начала встретили колоссальное противодействие партийной бюрократии, которая, по сути, поставила их деятельность в условиях полной невозможности. Я не знаю, как будет впредь и что будет дальше, ибо, несмотря ни на что, это движение все-таки существует и развивается. Вот, 1 мая у нас было разрешено неформалам пройти по главной площади своей колонной. Но после того, как колонна собралась, им участие в демонстрации запретили. Неформалы и те, кто их поддерживает, повернули, конечно, в Куропаты. В Куропатах провели хороший митинг с участием многих тысяч людей, многочасовой, с выступлениями, с чтением стихов. Потом около 5 часов вернулись в город, прошли к оперному театру, там возложили венок к памятнику нашему поэту Максиму Богдановичу. Милиция не противодействовала, хотя сопровождала. Да, довольно крупное милицейское подразделение на автобусах. Те шли пешком, растянувшись по проспекту на многие километры, а эти ехали на автобусах. Ничего не произошло, никаких эксцессов.

— Откровенно говоря, мне совершенно непонятно, кто выигрывает от этого противостояния, в котором искусственность столь очевидна. И действительно, почему бы не разрешить им пройти по площади своей колонной, с бело-красно-белыми национальными флагами? Кому от этого был бы вред?

— Видите ли, все дело в том, что наше руководство консервативно, и этот консерватизм опять же унаследовало от тех прошлых времен. Поэтому оно и не идет ни на какие уступки, ни на какие признания массовых движений. В печати проведена не одна кампания шельмования неформалов. И ни одна строфка из программ и деклараций неформальных объединений не напечатана. Наоборот, печатают только комментарии и критику, где позиция неформальных объединений и Народного фронта всячески извращается. А что касается знамен, о которых вы упомянули, то год назад наша партийная пресса напечатала материалы, которые доказывают, что эти знамена дискредитированы националистами в годы войны, что под ними расстреливали неповинных людей и так далее.

— Интересно, эти критики не боялись некоторых сопоставлений?

— Очевидно, нет, если их логика не шла дальше названных утверждений. А далее Верховный Совет принял указы, по которым национальная символика фактически была запрещена в уголовном порядке. Это возмутительно, поскольку белорусским национальным символам более пяти веков. И еще в Грюнвальдской битве наши полки воевали под ними против немецких рыцарей. А сейчас их не признают. Смешно, конечно, не признавать то, что освящено временем, кровью, пролитой за правое дело, и все это, по меньшей мере, несерьезно. Тем не менее, мы сейчас говорим, что ратуем за правовое государство. И вот пока молодежь на митингах ведет по этому поводу дискуссии, правительство принимает указы и, так сказать, укрепляет Уголовный кодекс в этом направлении. При этом никто ведь не добивается подмены государственного флага национальным — речь идет о том, чтобы наряду с государственным допустить употребление исторического. Ведь существует же у нас масса спортивных флагов, да и в государстве наряду с красным флагом с серпом и молотом и со звездой есть же еще, скажем, флаг авиации, есть флаг Военно-Морского Флота, который, по сути, представляет собой Андреевский флаг. Все это можно установить законно и не противореча Конституции. Но у нас метод запрета стал самой популярной формой взаимоотношений властей и неформалов. И применяется широко.

— Василь Владимирович, как вы лично ощущаете себя в этой ситуации? Вы писатель с мировым именем, чей высокий нравственный авторитет признан всеми, кроме, кажется, властей в вашем родном отечестве?

— Я пытался и писать, и обращаться в государственные органы, но... На сессии Верховного Совета республики меня очень критиковали.

— За что? За то, что в мире благодаря вашему творчеству узнали, что есть такая Белоруссия и что в Советском Союзе, слава богу, есть писатели?

— Боже мой! Когда-то, в прежние времена, была в ходу такая пословица: был бы человек, а статья найдется. Была бы антипатия к какому-то человеку, а причины для критики найдутся всегда. Конечно, прежде всего, за мою общественную позицию по отношению к противникам перестройки. Это уже звучит затерто, но по сути своей — верно. Например, Алесь Адамович уже давно, указывая на конкретные имена нескольких руководителей, написал, что Минск — это белорусская Вандея. После этого у нас произошли события 30 октября, о которых вы знаете, подтвердившие это определение Адамовича. Я написал об этих событиях в «Огоньке» — это вызвало здесь бурю негодования среди руководства. Ну, и в белорусской партийной прессе была напечатана масса статей против меня и Адамовича. Вот это неприятие, этот антагонизм выплеснулся и на сессии Верховного Совета республики. Продолжается все и до сих пор, разумеется. И проблему эту надо понимать шире: к примеру, в течение осени и зимы в печати была проведена, по сути дела, антиинтеллигентская кампания, когда на страницах прессы, по радио, телевидению выступали рабочие, представители технической интеллигенции, которые поносили интеллигентов, притом самых видных, в том числе и Адамовича, например. А что касается Союза писателей, то, наверное, никогда он не был в таком загнанном и униженном состоянии, как теперь. Есть много примеров, свидетельствующих о том, как попираются не только гражданские права писателей, но и права, и интересы всей нашей творческой организации. Достаточно вспомнить, как осенью собрались четыре творческих союза — писателей, художников, журналистов и кинематографистов, которые решили сообща создать общество, получившее название «Мартиролог Белоруссии». Это антисталинское общество, ставящее своей задачей искоренение последствий репрессивных методов и мер сталинского руководства. Состоялось очень представительное собрание, был принят устав, создан штаб этой организа-

(Працяг на стар. 3)

В. КОНОН

ОСОЗНАТЬ ИСТОКИ ТРАГЕДИИ

МОНОГРАФИИ ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ, КНИГИ И СТАТЬИ О ВЧЕРАШНЕМ И СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ ПЕРУ ДОКТОРА ФИЛОСОФСКИХ НАУК ВЛАДИМИРА КОНОНА, ХОРОШО ИЗВЕСТНЫ МНОГИМ ЧИТАТЕЛЯМ. СЕГОДНЯ ПИСАТЕЛЬ И ФИЛОСОФ, ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ БССР В. КОНОН — ГОСТЬ НАШЕЙ РУБРИКИ.

— Сейчас, на четвертом году преобразований, правомочно говорить о путях-перепутьях перестройки...

— Из проблем экономических и социально-политических меня беспокоят действительно драматические противоречия, сопровождающие прогрессивные процессы перестройки и демократизации. Речь идет не о скрытой борьбе консервативных, бюрократизированных и коррумпированных слоев общества. Ее исход у меня, например, не вызывает сомнений. Ведь противники перестройки лишены творческой энергии и нравственного базиса, а поэтому обречены. Еще недавно они роскошествовали, бессовестно эксплуатировали страну, еще сильны их позиции в средних и низших бюрократических, кое-где и идеологических сферах. Но «социальное время» их прошло, и оно столь же необратимо, как, например, для динозавров их геологическая эпоха.

Особенность нашей социально-политической перестройки в том, что ее мировоззренческие и нравственные предпосылки подготовлены «снизу», если можно так сказать, интеллектуальной (не путать с социальной!) элитой страны, а проводится она «сверху» по инициативе высших эшелонов политической власти. В благоприятных условиях эти два больших притока сливаются в одно сильное течение, и тогда процессы социально-экономического и духовного обновления страны ускоряются. Но возникают моменты, когда «векторы» этих сил направлены в противоположные стороны.

— Наверное, одно из основных принципиальных разногласий — это вопрос, была ли альтернатива «сталинскому» пути, был ли военно-бюрократический и тиранический путь построения социализма в конце 20—30-х годах единственно возможным в нашей стране?

— Вы правы. Причем чаще всего утверждается, что другого пути не было, «однако» (вот словечко, выручающее людей непоследовательных, лишенных целостности мировоззрения) он мог быть более гуманным, свободным от крайностей и репрессий. Как будто могут быть гуманными методы проведения античеловеческих акций, хотя бы той же насильственной коллективизации! Альтернативы действительно были, но их предлагали те, кого вскоре «почистили» и «списали» как оппозицию «линии партии». При нормальном, демократическом разрешении противоречий развитие пошло бы скорее всего по тому пути, который предлагал русский экономист Н. Кондратьев, нарком сельского хозяйства Белоруссии Д. Прищепов (в 30-е годы обвинения в «кондратьевщине» или «прищеповщине» всегда заканчивались трагедией).

В пользу того, что была возможна противосталинская альтернатива построения социализма, свидетельствует современная перестройка. Но она стала необходимой потому, что довлеющий над нами «сталинский путь» вел в тупик. И совсем не случайно сталинизм прибегнул к испытанному методу всех тиранических правлений — к значительному понижению интеллектуального уровня, подавив, а затем и уничтожив самую талантливую и честную интеллигенцию.

— Имеют ли эти вопросы свое отражение в круге ваших сегодняшних интересов?

— Меня всегда интересовали социальные преобразования и ускоренное развитие художественной культуры 20-х годов. Именно там — истоки наших успехов и, к сожалению, также последующей трагедии. Продолжается реабилитация деятелей той эпохи, наш политический и духовный опыт восполняется их делами и мыслями. От историков и философов ждут ответа на вопросы: в чем причина нашей трагедии и кто виновен в ней? Где пути социально-экономического и духовного возрождения страны? Исследование общественно-политической, этической и литературно-художественной мысли 20—30-х годов поможет ответить на эти вопросы. Мне особенно интересны этические (или, скорее, антиэтические) предпосылки кризиса человечности той эпохи.

Чтобы в будущем духовный вклад белорусов в советскую и мировую культуру не иссяк, необходимо возродить живое функционирование их национального языка. Ведь белорусский язык в силу каких-то региональных законов истории был и остался программирующим фактором для других видов национальной культуры. В результате сталинских «репрессий» и «чисток» ленинская программа фактического, а не формального равноправия белорусского языка была сорвана уже в начале 30-х годов, а в 50—70-е годы и вовсе забыта. Необходимо исследовать эти негативные процессы, чтобы противостоять им. Вместе с национальным языком к фундаментальным ценностям народа относится фольклор. В издательстве «Мастацкая литаратура» выходит моя книга «У истоков самосознания. Становление духовных ценностей в свете фольклора». В перспективе хотелось бы обратиться к исследованию духовного облика восточно-славянских народов при помощи сравнительного изучения фольклора и философской мысли Белоруссии, России и Украины.

Разумеется, нельзя рассматривать современную белорусскую литературу изолированно, не сопоставляя ее с русской, в которой сосуществуют столь многообразные направления. Наша белорусская словесность сейчас находится на перепутье. В ней утрачивается былой (еще яркий в 60—70-е годы) онтологизм, или «бытийность», — образная адекватность народному бытию. (Да и быт также теряет свое национальное своеобразие, стандартизируется, что и отражается в литературе). Кажется, нам предстоит общий путь для национальных литератур, характерный для цивилизации урбанистического типа.

— Из опубликованной в газете «Московские новости» беседы с народным писателем БССР Василем Быковым всесоюзный читатель, быть может, впервые узнал о создании инициативной группы будущего Народного фронта Белоруссии. Вы входите в нее вместе с В. Быковым, искусствоведом и публицистом Зеноном Позняком...

— Этому событию предшествовало трагическое открытие белорусскими археологами места массового расстрела советских граждан в урочище Куропаты в период сталинских репрессий 1937—1941 годов. После публикации в еженедельнике Союза писателей БССР «Литаратура и мастацтва» тщательно документированной статьи «Куропаты — дорога смерти» была создана правительственная комиссия по расследованию изложенных в ней фактов. С 6 по 15 июля 1988 г. следственные органы Прокуратуры БССР провели выборочную эксгумацию братских могил в Куропатах. Археологические раскопки и исследования проводили археологи Института истории АН БССР, работы возглавил автор статьи Зенон Позняк. О некоторых фактах этой трагедии читатель узнал из статьи Алеся Адамовича в журнале «Огонек». По предварительным выводам З. Позняка, на территории Куропат обнаружено пока 510 братских могил, в каждой из них насчитывается захоронено в среднем по 200 человек — мужчин и женщин, а всего около 102 тысяч человек, казненных выстрелом в затылок в упор из револьвера системы «наган» и пистолета «ТТ». Археологи открыли много других вещественных доказательств, изобличающих преступления сталинистов. По предложению З. Позняка, реальное количество захоронений — около 900, многие из них снивелированы и скрыты во время прокладки газотрассы и кольцевой дороги. Минские микрорайоны «Зеленый луг» и «Восток» ныне вышли на окраину этой более чем стотысячной могилы.

— Вы — один из членов совета, возглавившего недавно организованное общество «Мартиролог Белоруссии»...

— 19 октября 1988 г. в минском Доме кино состоялась учредительная конференция республиканского историко-просветительского общества «Мартиролог Белоруссии», утвердившая его программу и устав. В общественный совет его вошли авторитетные представители творческой и научной интеллигенции, ветераны войны и выжившие жертвы репрессий 30-х годов. В совете — Василь Быков, драматург Алексей Дударев, поэты Сергей Граховский и Рыгор Бородулин, известные ученые — доктора и кандидаты наук. Председателем избран археолог, театровед и публицист З. Позняк.

Цель «Мартиролога» — выявление жертв репрессий во всех слоях народа, разоблачение инициаторов и непосредственных исполнителей преступления. Но чтобы создать условия, в которых бы начатая по инициативе высшего руководства КПСС перестройка и духовно-нравственное обновление общества стали реальными и необратимыми процессами, необходима их общенародная поддержка. Вот почему учредительный конгресс «Мартиролога» законно и демократично избрал Организационный комитет будущего белорусского Народного фронта за перестройку «Возрождение». В него вошли представители интеллигенции и других слоев народа. Это еще не руководство будущего Народного фронта, а лишь те, кому доверили разработку программных документов. Около половины из них — коммунисты. Оргкомитет опубликовал обращение к гражданам Белоруссии с призывом создавать группы поддержки, готовиться к учредительной конференции. В нем сформулированы общие, вполне лояльные принципы будущей организации, включающие объединение всех граждан независимо от национальности, партийности и вероисповедания, активно поддерживающих принципы демократии, социализма и гуманизма, выступающих за реальное участие народа в экономическом, политическом и культурном руководстве страной, против монополии бюрократии на власть, за уважение национальных культур всех народов, проживающих в БССР, возрождение белорусского языка, за экологически чистую среду в республике.

— Можно ли уже сегодня говорить об опыте работы Оргкомитета, о каких-то предварительных итогах?

— Лучшие силы народа с энтузиазмом поддерживают идею Народного фронта. Увы, этого не скажешь о некоторых руководящих товарищах в республике, встретивших «белорусскую инициативу» с предвзятым непониманием, а кое-кто и вовсе враждебно. Была сделана попытка через печать, в лекциях и на собраниях дискредитировать саму идею Народного фронта и организацию «Мартиролог», приписать его инициаторам случайные заявления частных лиц, не имеющих ничего общего с Оргкомитетом. Начал «полемику» о нужности самой идеи Народного фронта зам. министра внутренних дел БССР генерал-майор милиции К. М. Платонов. Комментируя в «Комсомольской правде» 13 ноября 1988 г. разгон внушительными силами милиции минчан, собравшихся на кладбище у Московского шоссе и около Куропатского поля 30 октября, чтобы накануне традиционного дня поминовения «Дзяды» почтить память умерших и погибших соотечественников, он заявил, что в Белоруссии, где сложилась «стабильная общественно-экономическая ситуация», а правительство «грамотно осуществляет курс на перестройку», Народный фронт совсем не нужен.

Организационному комитету «Возрождение» и неформальным организациям белорусской молодежи удалось, наконец, провести 19 февраля на минском стадионе «Динамо» разрешенный горисполкомом митинг в поддержку курса на перестройку. Впервые около 40 тысяч участников «болели» не за любимую команду, а за судьбу возрождения нашей Родины. Митинг засвидетельствовал рост авторитета движения, начатого по инициативе белорусской интеллигенции: к нему присоединяются передовые рабочие, научные сотрудники, авторитетные ученые. Вместе с тем стало ясно: камнем преткновения демократизации выборов в Верховный Совет оказались окружные собрания, формируемые чаще всего по выбору местной администрации, партийных и государственных органов и, естественно, поддерживающих их выдвиженцев, не имеющих подлинного авторитета у минчан. Если и дальше так дело пойдет, то демократизация на этом участке борьбы за перестройку захлебнется.

Второй, уже позитивный результат митинга — своего рода «явочная» легализация культурно-исторических символов белорусского народа — «Погони» (белорусско-литовского герба с изображением всадника с мечом) и бело-красно-белого знамени. Им-то в последнее время больше всего «досталось» от тех, кто напуган массовым движением за демократизацию и возрождение Белоруссии, у которой за периоды разных «культов» и «застоев» отобрали историю и даже национальный язык.

Вот так. Везде есть трудности, нередко сплошные противоречия, а вот в Белоруссии — гармония и благодать. И это в республике, где труднейшая экологическая ситуация, где давно возник трагический отрыв от национального языка и традиций белорусской культуры большинства населения, где в городах нет ни одной школы с преподаванием на белорусском языке, да и в деревне большинство «белорусскоязычных» школ существуют лишь на бумаге, где, наконец, наметился опасный отрыв руководящих работников и рабочих активистов не только от национальной культуры, но и от творческой интеллигенции. И все же на реальность Народного фронта в Белоруссии я смотрю оптимистически...

— Круг вашего чтения?

— Из белорусской литературы читаю все, что успеваю прочесть. В прозе нашей, кажется, наступило (надо думать, временно) «затишье»... Впрочем, в январе в «Полымя» появилась повесть В. Быкова «Облава», раскрывающая трагедию крестьянства в начале 30-х годов. Началось возрождение рассказа (книга Янки Брыля «Дети на тропинке»), новеллы (последние публикации А. Кудравца, И. Пташникова). Публикуется литературное наследие репрессированных писателей 20—30-х годов. В повести Андрея Мрия (А. Шашалевича) «Записки Самсона Самасуя» в гротескном стиле (как, например, в рассказах Зощенко) раскрывается тот «человеческий материал», из которого позже произрастал культ личности. В журнале «Полымя» были опубликованы потрясающие по своему трагизму последние страницы из дневника классика белорусской советской литературы Кузьмы Чорного.

Ведущий рубрики
Александр ЩУПЛОВ.

(Праця — са стар. 1)

Смешно не признавать то, что освящено временем

ция. Но руководство республики не признало законность образования этого общества. По сути дела, было нанесено оскорбление, выражено недоверие всей творческой общественности. Ну, и что? До сих пор «Мартиролог Белоруссии» существует непризнанным.

— То есть опять: он есть, но его нет?

— Он есть, но власти его не признают. А коль не признают, то у него нет помещения, у него нет счета в банке, и его деятельность соответственно нашим дополнениям к Уголовному кодексу преследуется по закону.

— Таким образом, конфликт уже просто запрограммирован. А если учесть возможность провокаций...

— Но ведь то, что произошло в Минске 30 октября прошлого года, не что иное, как чистейшая провокация. То есть была предпринята попытка столкновения неорганизованной толпы, будем так говорить, массы митингующих с органами правопорядка. Для этой цели были выведены милицейские силы, техника, спецсредства и прочее. А ведь люди, которые шли на кладбище, не имели никаких политических целей, и повода их останавливать не было. Было намерение провести день памяти, который, кстати, проводился уже в прошлом году. То есть имелся прецедент, и все было спокойно. На сей раз был вынесен запрет на его проведение, брошены войска и милиция. И именно милиция предприняла первые шаги для того, чтобы произошло столкновение: аресты, чисто полицейский нажим, применение химических средств. И до стычки оставалось совсем немного, всего несколько минут, несколько моментов. И если провокация не удалась, то только благодаря авторитету Зенона Позняка, который остановил эту неорганизованную массу, предотвратил ее противодействие возмутительным действиям милиции и повел людей в Куропаты. По сути дела, увел от столкновения. Именно благодаря вмешательству Позняка, благодаря его непредвиденным действиям весь сценарий рассыпался. Потому что был расчет на то, что, по сути, уже столкновение произошло — были арестованы, были схвачены, ослеплены люди, некоторые избиты. Далее власти ожидали призыва оказать сопротивление.

— Ну, да — «Бей!».

— А вместо этого призыва «Бей!» последовал призыв: «Спокойно, не поддавайтесь на провокацию!» И всю толпу он увел за городскую черту, где состоялся митинг, который опять же был подавлен и разогнан, но конфронтации как таковой и побоища с кровопусканием не произошло. Хотя к нему были готовы и на него рассчитывали. Чтобы под этим предлогом задавить все неформальное, по сути, демократическое движение.

— И взгляд ваш в будущее, Василь Владимирович, печален, да?

— Перестройка вызвала к жизни множество тенденций, и сейчас происходят процессы, взаимоотрицающие один другой. Очевидно, этого и следовало ожидать. Потому что все происходящее — следствие каких-то глубинных процессов и причин, которые берут истоки в прежних временах. И хотя они были, в общем-то, сходными в разных республиках, во время перестройки начали приобретать характер иногда противоположный.

— Так оно и есть, если посмотреть в сравнении на то, что сегодня происходит хотя бы в той же Прибалтике и Белоруссии.

— И если исходить из положения, что жизнь никогда не стоит на месте, она обязательно должна двигаться (я имею в виду общественную жизнь) и обязательно в каком-то направлении, то, я думаю, что это все-таки направление вперед, а не назад. Я думаю, что мы все-таки пойдем по пути прогресса, обновления нашей общественной жизни, и выработка нового сознания не останется лишь лозунгом. У нас все это происходит очень замедленно и, конечно, прежде всего, в силу сопротивления партийно-бюрократического аппарата, административно-приказной системы, которая в Белоруссии не претерпела никаких изменений за последнее время. Но все-таки прогресс есть. В движении неформалов, несмотря на сопротивление, ограничения всевозможные, участвует все больше и больше людей и, главным образом, молодежь. Я полагаю, мы тоже добьемся каких-то сдвигов. Намечаются они, прежде всего, в области национальной культуры. Ведь уже на правительственном уровне принята программа по языку. Это обнадеживает, хотя она недостаточна, я считаю, она паллиативна по своему содержанию, но, тем не менее, еще год-полтора тому назад и она была совершенно невозможна. Думаю, будут и другие сдвиги. Ведь, должен вам заметить, что для нас очень много значит пример Прибалтийских республик, в том числе и Эстонии. Информация, конечно, выборочна и случайна, но все-таки какие-то вести доходят, ваши идеи находят понимание, поддержку. Я думаю, найдут и распространение. И, знаете, не только в Белоруссии, но и в стране. Другое дело, что какие-то вещи еще преждевременны. Для нас, например, какие-то моменты, может быть, неприемлемы. По разным причинам. И вот критики ваших движений вытаскивают эти вот неприемлемые или преждевременные моменты и, показывая их, пытаются отпугнуть массы от того, что происходит в республиках Прибалтики. Но люди у нас сейчас грамотные. Разберутся, я думаю.

МИНСК—ТАЛЛИНН.

"Советская молодёжь" /Латвія/, 20 красавіка 1989 — "Навіны" /са скарачэньнямі/.

БЕЛОРУССИЯ: Вандея? «Очаков»? Зимний?

«Наступило время личностей» — сказано вполне справедливо. Сегодня у нас встреча с одним из таких людей. Его политическая известность в Минске сегодня уступает, видимо, только популярности писателей В. Быкова и А. Адамовича. Наш собеседник — старший научный сотрудник Института истории Академии наук БССР Зенон Станиславович ПОЗНЯК. Беспартийный, один из тридцати организаторов Белорусского Народного фронта «Адраджэнне».

— Белорусский Народный фронт — это реальность или миф?

— Существует движение Белорусского фронта как такового. Но учредительного съезда БНФ еще не было. Тем не менее движение набирает силу. Об этом свидетельствовали хотя бы выборы в столице Белоруссии по шести округам. БНФ в ходе избирательной кампании добился победы: те кандидаты, против которых выступал фронт, не прошли, кандидаты же фронта прошли, в том числе и член организационного комитета — А. Журавлев.

— Специфика национального движения в Белоруссии в том, что первый шаг в нем сделали такие общественные организации, как «Талака», «Тутэйшыя», «Світанок», «Современник», а не БНФ.

— Да, эти независимые общественные организации занимались в основном культурными задачами. И это естественный процесс пробуждения общественной мысли, стремление к возрождению. Когда же условия созрели (а надо отметить, что реакция консолидировалась первой), возникла идея создания Народного фронта. И эти общественные организации, оставаясь самими собой, все стали группами поддержки фронта. Они разделяют платформу БНФ.

— Не кажется ли вам прихотью возрождение и пропаганда полузабытых в Белоруссии герба «Пагоня» и бело-красно-белого флага?

— Бюрократия сильна тем, что она успела в значительной степени отлучить народ от истории, от памяти. Символика же значительна тем, что в ней — наша история. И герб «Пагоня», и бело-красно-белый белорусский флаг имеют не одну сотню лет истории. И если символы кто-то использовал в неблаговидных целях, это не значит, что их надо отрицать. Никому же, например, не приходит в голову назвать Сталинградское сражение Волгоградским. Это абсурд. Нельзя отменить исторический факт.

— При сопоставлении, скажем, программ НФЛ и БНФ явно заметна их схожесть, то есть можно говорить о влиянии программ фронтов и движений Прибалтики?

— Все эти программы у нас были под рукой. Но мы исходили из обстановки в республике. То, что в Прибалтике разъяснять не приходится, у нас делать необходимо: то же двуязычие порождает полуязычие, а это — гибель национальной культуры. Поэтому наша программа в некоторой степени носит просветительный характер.

— Как относится партийное руководство республики к БНФ?

— Оно категорически не признает его.

— Похоже, будь на то воля местных властей, они бы обнесли Белоруссию высоким забором, чтобы не видеть, что происходит за этим забором, и чтобы не смотрели с той стороны...

— Люди в других республиках, в Москве, за рубежом совершенно не представляют, что происходит в республике. Они судят о Белоруссии, как об СССР в целом. Хотя у нас совершенно уникальная политическая ситуация. Белоруссия — это реликтовая сталинистская республика. До сих пор у руля власти находятся люди брежневской закалки. Они ограничились лишь расширением своего лексикона с поправкой на перестройку. В Белоруссии до сих пор используются старые методы правления. Скажем, для того, чтобы очернить общество «Мартыралог» Министерство юстиции разработало циркуляр, якобы доказывающий неправомерность создания «Мартыралога» и несовершенство его устава. При этом использовались инструкции и постановления 1932 и 1935 годов.

Основная сущность этих людей — национальный нигилизм. В руководстве республики находятся люди, которые фактически ненавидят народ, собственный язык, отрицают национальную культуру, историю. Причем эта популяция руководителей до сих пор сохранилась в нетронутом виде.

Поэтому события 30 октября в Минске не случайны. Они — результат этих взглядов на народ. В День поминовения предков люди шли почтить память невинно убиенных во времена сталинских репрессий, а в Белоруссии было убито свыше двух миллионов человек, это почти каждый четвертый житель. И направить против людей дубинки, слезоточивый газ, водометные машины! Так оскорбить народ! Это не забывается и не прощается.

Дальнейшие события как раз и показывают, что за люди стоят у кормила власти. За всю историю перестройки только 19 февраля 1989 горисполком впервые разрешил организацию митинга на стадионе «Динамо» в Минске. Надо сказать, что люди, пришедшие туда, а их было больше 40 тысяч, горячо поддерживали представителей БНФ и так же горячо отвергали представителей номенклатуры. Но через несколько дней вся пресса, находящаяся в руках этой самой номенклатуры, выступила с совершенно отрицательными грубо-тенденциозными и субъективными оценками митинга. Думаю, что тогда люди впервые поняли, как им лгут. Но эту ложь воочию увидели те 40 тысяч, а в республике 10 миллионов человек, они-то не были на стадионе!

Руководство докатилось до того, что инспирировало охаивание и травлю совести нации — Василя Быкова и Алеся Адамовича. В таких реакционных изданиях, как журнал «Политическое образование», газета «Вечерний Минск», можно встретить прямое оскорбление этих людей.

Я расцениваю сегодняшнюю ситуацию в республике как кризисную. «Лидеры» уже давно засвидетельствовали себя как политические банкроты, поэтому без личностного изменения в руководстве республики перестройка дальше не пойдет.

Я рассказал далеко не о всей цепи последних событий наступления бюрократии на права человека в Белорусской ССР.

Но сегодня венцом всего этого стал Указ Президиума Верховного Совета БССР, который я бы назвал феноменальным по своей извращенной сущности. Практически этот указ запрещает свободу печати и национальной символики. Он попирает Декларацию прав человека, Венский документ. В нем смешано в кучу все: и спекуляция, и скупка-продажа, и митинги, и произведение печатной продукции, и национальные символы. Это понадобилось для того, чтобы свести национальные святыни, политическую деятельность БНФ к уровню скупки-продажи. К указам подобного рода следует всем относиться серьезно, хотя бы потому, что Белоруссия становится своеобразным «полигоном» антиперестроечных упражнений. Печально известный ныне Указ о проведении митингов и демонстраций сначала появился в республиканском варианте в БССР и РСФСР, а спустя некоторое время его без обсуждения народом «подарили» всесоюзной общественности. Известно, что в Москве готовится проект закона о печати. Первые «черные ласточки» этого закона, появившиеся в Белоруссии, наводят на тревожные размышления.

— Согласно этому Указу, за значок с бело-красно-белым флагом на лацкане пиджака вас для начала могут предупредить, затем и оштрафовать до пятидесяти рублей?

— Да. Отсутствие гласности у нас в республике, отсутствие информации в других республиках о Белоруссии приводит к тому, что они здесь делают, что хотят. В Белоруссии сейчас узловой момент — Вандея. А что сделала Вандея во Франции, мы знаем. Это не просто эпитет, пущенный Алесем Адамовичем, это совершенно реально существующая политическая ситуация.

— Ваше отношение к правящей партии в стране?

— КПСС не представляет из себя однородной силы. В ее составе мы видим три направления: консервативное (административно-командные методы), левое, которое держится радикальной перестройки и демократических методов, а также центристское направление, его представитель — Горбачев.

— Как вы оцениваете внутреннюю политику М. Горбачева?

— Поддерживаю. Эта политика еще полностью не исчерпала свои прогрессивные возможности. Поэтому поддерживать ее надо. Но она половинчатая. И в последнее время явно чувствуется уступка реакции. Это начинает тревожить. Все решится, наверное, в ближайшее время. Ведь беспредельно говорить о перестройке, не видя внутри перемен и наблюдая пустые прилавки, невозможно. Эта стагнация перестройки — нестабильное состояние.

— Что бы вы хотели пожелать народным движениям Белоруссии и Латвии?

— Чтобы движение НФ распространилось на всю Белоруссию, особенно в деревню. Это очень важно, потому что сейчас в выборах номенклатурщики прошли именно в деревне, то есть там, где народ еще спит...

Хотел бы еще пожелать, чтобы успешно прошел съезд БНФ «Адраджэнне», который должен состояться в мае—июне в Минске.

Народному движению Латвии я бы пожелал найти возможности сохранить единство нации и общества. И чтобы это не вызывало конфликтов в латвийском сообществе. Пусть между белорусами и латышами сохранится память о нашей общей истории, чувство локтя и единство перспективы, чтобы мы понимали, что только вместе будем сильны.

Если сейчас гуманизм и демократия не победят, потом такой возможности может не быть. Мы дошли до крайней точки.

— Спасибо за интервью.

Беседу вел Сергей ШАПРАН.

"Молодёжь Эстонии", 20 траўня 1989 — "Навіны" //са скарачэньнямі/.

КУРОПАТЫ ПРИОТКРЫЛИ ЗАВЕСУ НАД ЕЩЕ ОДНОЙ ТАЙНОЙ СТАЛИНИЗМА

На актуальные темы с председателем историко-просветительского общества памяти жертв сталинизма «Мартиролог Белоруссии», старшим научным сотрудником Института истории АН БССР Зеноном ПОЗНЯКОМ беседует наш корреспондент Элла АГРАНОВСКАЯ.

— Все, что мы узнали о Куропатах, страшно и трагично. Но страшно и то, что вскоре за известием об этой белорусской трагедии пришло другое известие — о событиях в Минске 30 октября...

— Положение, которое сложилось в Белоруссии, осознавалось людьми. Одними глубже, другими в общих чертах. Но люди-то понимали, что оно совершенно ненормальное — нет национальных школ, из государственной сферы вытеснен национальный язык, национальную историю не изучают и не знают ее, оскорбляют культуру, уничтожают памятники. Конечно, народ в Белоруссии трудолюбивый. Но сколько бы человек ни работал, он все же задает себе вопрос: куда деваются результаты его труда, почему он работает много, а получает мало? Так вот, эмоциональным ответом на эти вопросы явилась публикация правды о Куропатах. Это известие было подобно разорвавшейся бомбе.

— Это вы раскопали эту правду!

— Так сложилась судьба: я жил там, неподалеку, еще в 70-х годах. Вместе с коллегой Евгением Шмыгалевым мы разговаривали со стариками, и они рассказывали нам, как все было, показывали место расстрелов. Но тогда говорить, писать об этом было невозможно. Это было время реабилитации Сталина, борьба с так называемыми диссидентами, с национализмом и прочее. Ну, и молчать было невмоготу, потому что умирали свидетели, а вместе с ними умирала и память о преступлении. Жить с таким грузом, с чувством бессилия было очень трудно. Но сказать обо всем стало возможно лишь накануне XIX партконференции — раньше чиновники не пустили бы это в печать. Да и позже тоже.

— Но ведь это огромная исследовательская работа.

— Сначала были опрошены свидетели. Мы со Шмыгалевым опросили десятки людей в разных деревнях вокруг Куропат. Потом были сделаны археологические раскопки: поскольку я археолог, это не представляло труда. Сразу же выяснилось, что могилы после войны, в 40-х годах, кто-то раскапывал, трупы изъяты. Стало понятно, почему могилы выглядели полузасыпанными ямами: трупы вырыли, песка не хватало. Ну, а мальчишки эти докопали где-то на глубину до 2 метров и наткнулись на штабель человеческих костей. Тогда уже мы вместе довершили этот раскоп, и выяснилось, что глубина могил была до трех метров. Видно, те, которые заметали следы, просто не додумались до этого и поленились копать глубже. Нашли мы тогда и гильзы от советских наганов, и пули, и расчески, и галоши советские с маркировкой 37-го года. После этого и была подготовлена статья в еженедельнике «Літаратура і мастацтва». Сначала ее несколько раз снимал наш ЦК партии. Редакции «выламывали» руки, но сотрудники возмутились, ведь то, что они прочитали, касалось судьбы каждого из нас и совести каждого из нас. Люди поняли, что здесь поставлена на карту не только их собственная честь, но и честь всей нации. Ведь до того было лишь известно, что в Белоруссии во времена Сталина было уничтожено приблизительно 75 тысяч коммунистов, половина партийной организации. Среди них было много невинных людей, но сколько было бандитов, которые сами принимали участие в репрессиях! Однако кто же были те миллионы уничтоженных белорусов? Те миллионы и были вот эти крестьяне, вот эти безвинные жертвы, которые массово уничтожались. Как их уничтожали, окончательно никто не знал. Где их трупы? Это же люди! Куда они делись, ведь тогда еще не было крематориев. Куропаты приоткрыли завесу над этой тайной сталинизма. Они впервые показали миру, что это был геноцид, запланированное уничтожение народа. В Куропатах, судя по найденным приметам, лежит простой народ — крестьяне, рабочие, сельская интеллигенция. И свидетели подтверждают, как хватали людей в деревнях, как приезжали «черные вороны» и забирали их. Исполнялся план: приехали в соседнюю деревню Зеленовка и за одну ночь забрали 25 мужиков, и все они как в воду канули.

— Читая об этом и ужасаясь этой трагедии, я все время думаю еще о том, как люди жили с грузом этой памяти, этого знания. Ведь они только сейчас начали говорить! Ведь столько времени они молчали. Знали и молчали. Это же такое психологическое бремя.

— Они и сейчас еще многие говорят шепотом. Боятся.

— И ведь это тоже совершенно неисследованное явление, правда!

— Ужас сталинизма не поддавался осмыслению нормальной человеческой психикой. В нем было что-то сатанинское. Этот ужас вызывал мистический страх. И потом, люди ведь жили в системе рабства. Это особые отношения, ибо раб — неинициативный, безвольный человек. Возьмем 30-е годы — рождение колхозов. Возвратили крепостное право в новых социальных условиях, только гораздо более жестокое: человек стал более бесправен, он больше подвергался унижению. Люди-рабы без паспортов в тотальной паспортной системе полностью зависели от тех, кто в любой момент мог отправить их на тот свет. Они работали и не получали за это ни копейки. У крестьянина отобрали все — и землю, и скот, и свободу, и достоинство. Не отработаешь трудодни — не дадут лошадь обработать приусадебный участок или же не разрешат привезти дрова из лесу. И человек вынужден был работать даром, чтобы отопить избу или обработать участок. А кроме того, с этого же участка еще платили налоги. И если в других местах был страшный голод и люди умирали — в Поволжье, на Украине, то крестьянин-белорус благодаря своей покладистости и трудолюбию тянул новое ярмо как-то перебивался. В нашем народе огромная жизненная сила. Чего бы его ни лишали, кроме жизни, он все равно выживет и пробьется. Сталинский коммунизм физически уничтожал нас как нацию, как этнос. В результате наших археологических исследований и выборочной эксгумации могил, проведенной совместно с Прокуратурой БССР, сделано заключение, что в среднем только в одних Куропатах было расстреляно четверть миллиона человек. Но выяснилось, что такие душебойки, как Куропаты, были вокруг каждого города в Белоруссии. Только в Минске нами найдено шесть таких мест. Теперь становится ясно, почему в 20-м году население Белоруссии насчитывало 12 миллионов человек, а перед войной, в 40-м, 9 миллионов 200 тысяч. Куда делись 2 миллиона 800 тысяч? Ведь территория была уже практически та же самая — к 40-му году западные земли Белоруссии были возвращены. Наши историки предполагают, что от сталинизма пострадал каждый четвертый белорус.

— Как от фашизма.

— И уничтожались лучшие — крестьяне, которые умели работать, интеллигенция, ученые, писатели, учителя, цвет нации. Сталинизм себя проявил как враг всякой культуры, система сознательно вела к понижению культуры, уничтожала лучшее, что дает жизнь.

— Зенон Станиславович, сдерживая информацию о Куропатах, чем можно было это мотивировать! Что возможно возразить этой страшной, пронзительной правде!

— Возразить? Возразить невозможно. Но можно употребить испытанное оружие бюрократии — ложь, дезинформацию. Например, один партийный деятель выступает и говорит, что «Позняк сделал грязное дело», потому что здесь, дескать, «расстреляно 38 тысяч немецких офицеров». Человек взял с потолка форменную чушь и публично сообщил ее на митинге десяткам тысяч людей. Ложь эта кощунственна, и даже трудно подыскать ей определение. Тем более, что живы еще 229 свидетелей, которые знают о Куропатах. Есть свидетели, которые видели все от начала до конца, которые каждый день созерцали, как въезжали эти машины со смертниками за ограду, иногда по 16 машин в день, как люди кричали, как женщины плакали, как молились Богу, как спрашивали «за что?», как хлопали выстрелы. Они все это видели и слышали каждый день. И при этом аппаратчики осмелились лгать.

Аппарат у нас старается столкнуть общество лбами — и на национальной основе, и на социальной, но ничего не удается. И не получится. У нас они не создадут Интердвижение. По крайней мере, в ближайшее время. Здесь нет достаточно серьезных общественных конфликтов белорусов с русскими, евреями или другими группами национальных меньшинств.

— В общем, полная межнациональная идиллия!

— Идиллия здесь ни при чем. Национальное возрождение Белоруссии из сталинистского небытия начинается как глубоко демократическое движение, ставящее целью интегрировать в него все национальные меньшинства. У нас есть возможность не повторить ошибок других в возрождении нашего общего белорусского Дома. Существуют возможности для осуществления этой благородной, консолидирующей идеи национального возрождения и суверенитета. Нужны работа, выдержка, солидарность и время. Увы, время для нас категория значительно более объективная, чем в Эстонии. Но когда это время созреет, я уверен, и эстонцы, и белорусы, и литовцы, и латыши гораздо глубже осознают общность нашей исторической перспективы и общность судьбы.

— Значит, вы настаиваете на том, что национальные меньшинства в вашей республике сегодня никак не страдают!

— В нашей республике страдают все. Рубеж противостояния пролег между обществом и аппаратом, который опирается в основном на милицию; запрещаются все митинги, подавляются все независимые общественные движения.

— Но разве в наших сегодняшних условиях это возможно запретить!

— Не только запретить, но возможно пустить в ход пожарные и милицейские машины, водометы, дубинки, газы. Но, заметьте, даже милиция уже не так слепо покорна. Армия живет в казарме, она изолирована, а милиционеры ведь живут среди людей и знают нужды этих людей. Я видел, как курсанты, которые были вынуждены разгонять митинг-реквием 30 октября в Минске, стыдились этого. Люди стояли на коленях, а они по головам пошли — сапогами по детям, по женщинам. Ведь нужно какой-то человеческий барьер в себе преодолеть. Потому те, кто, обладая властью, считает, что все дозволено, не должны владеть этой властью. Ясно, что в основе всего — бюрократическая система. Но система управляется определенными людьми. Для бюрократической системы экстремизм — обычное явление. Это ее внутренняя закономерность. Крайнее выражение такого экстремизма — сталинизм, сталинские репрессии. Сегодня он выражается по-разному. То, что случилось в Тбилиси, — это не нонсенс, это выражение внутренней сущности системы. Она всегда была такой, ничуть не изменилась. Изменились мы — общество. Те люди, которые потерпели, которые вырастают, которые внутренне свободны. Это мы выходим из-под гипноза социальной болезни, которая появилась в 30-х. А они — нет. Осталась та же структура, те же антиценности, те же методы. Наоборот, система еще более усовершенствовалась и даже может позволить себе действия, подобные тем, что были в Тбилиси.

— Следовательно, рассчитывать на то, что кадровые изменения могут принести какой-то успех, не приходится. Значит, они не нужны, так!

— Нет, нужны. Это необходимый этап. Если на место нынешнего придет такой же аппаратчик, он не будет иметь комплекса того, что уже натворил. Те, кто наделал много гадостей, должны ведь давать задний ход, признавать ошибки. Для них это невозможно, не та психология, не те правила поведения. Если же придут новые управленцы, они будут располагать возможностью маневра. Это дает надежду, что демократия продвинется хотя бы на один шаг.

— Насколько мы здесь у себя располагаем информацией, Народный фронт Белоруссии не поддерживается и не признается республиканскими властями. Но насколько поддерживается он своим народом! Насколько болеет его болями!

— Народный фронт Белоруссии поставил задачу — объединить всех для достижения трех основных задач: демократизация общества, ликвидация бюрократической системы и возрождение нации на демократической основе. Но в официальной печати иначе не пишут, как «так называемый Белорусский Народный фронт». Только после поражения на выборах в Минске перестали делать вид, что ничего подобного в природе не существует. Хотя в природе уже существовали около 500 групп поддержки, а в движении участвовали тысячи человек. Народный фронт расширяется, приобретает опыт и не дает себя спровоцировать.

— Вы имеете в виду события 30 октября прошлого года!

— Не только. Все митинги, все общественные начинания были запрещены. Наступило 26 апреля — третья годовщина чернобыльской трагедии. Вы знаете, наверное, что Чернобыль — это, прежде всего, трагедия Белоруссии. Чернобыльская станция в пяти километрах от белорусской границы, на протяжении недели на нас шли ветры, захватив всю территорию республики. Но самое страшное, что в Могилевской области позже расстреливали и осаждали стронциево-цезиевые облака, которые шли на Москву. Сейчас в Могилевской области радиация выше, чем в чернобыльской зоне. Местами от 45 до 100 кюри на квадратный километр (при допустимом пороге 15 кюри). Там нельзя жить и нельзя обрабатывать ту землю. Но там живут и обрабатывают, и кормят детей и нас всех. И действительное состояние дел скрыто от общественности республики. Десятки тысяч детей болеют лейкемией, не говоря уже о прочих болезнях, связанных с понижением иммунитета вследствие радиационного воздействия. Но даже детей, которые скоро начнут умирать, никуда не вывозят. Сейчас Народный фронт ставит задачу: на лето вывезти хотя бы тысячу наших детей в другие республики. Уже организован комитет, который ведет переговоры для того, чтобы их приняли. Об этом общественность информирована слабо, но все же знает. Так вот, 26 апреля, в годовщину чернобыльской трагедии, Народный фронт решил провести на площади Ленина перед Домом правительства в Минске «Час скорби и молчания». Не митинг, а час скорби и молчания. То есть только постоять со свечами и помолчать. Народный фронт дал заявку, горисполком, как обычно, запретил, но зато издал спешное постановление, что в глухом лесопарке на краю заводского района выделена площадка для митингов — дескать, идите туда, стойте и молчите. Но смысл был провести этот час скорби именно перед Домом правительства, которое скрыло и скрывает от народа действительную опасность.

— В прессе было что-нибудь об этом!

— Было. Только сначала в центральной. А наши две молодежные газеты, русская и белорусская, дали обширную информацию о митинге в лесопарке, проиллюстрировав ее фотографиями, сделанными... на площади Ленина.

— А что было на официальном митинге!

— Рассказывают, он тоже прошел неплохо. Правда, сначала по бумажкам читали вещи известные, затертые. А потом очень критически выступили несколько ученых. Люди начали говорить нежелательное властям — о том, что обманывают народ, что нет информации и так далее. В общем, устроители элементарно просчитались. По-видимому, они полагали, что от радиации может умереть только Народный фронт. Увы! Иногда кажется, что мы живем в каком-то фантастическом театре абсурда, где «Кафка становится былью». Кто бы мог предположить, что во время скорбной медитации тысяч людей и чернобыльского молчания на площади народ старательно снимали всякие «органы». Потом завели «дела», и посыпались повестки в милицию Московского района, и начались массовые допросы.

Сейчас в Минске готовится совершенно необычный аттракцион — процесс над участниками Первомайской демонстрации за участие... в этой демонстрации. Уже готовы фотографии демонстрантов, в массовом порядке разосланы повестки, ведутся допросы, строчат протоколы. Суть в том, что в демонстрации участвовала отдельная колонна Народного фронта. При этом горисполком колонну «запретил», Совет Министров — «разрешил», а «штаб» демонстрации (он же горком партии), когда все собрались, снова «запретил», даже выстроил доблестные ряды милиции, преградив путь к родному правительству. Пришлось идти в обратном направлении — через город в Куропаты. Так уж получается неоднократно, что там, где сталинщина, — дорога одна, в Куропаты.

— Ваш рассказ подобен страшному сну. Хочется очнуться, чтобы убедиться: это наваждение.

— Я почти не сомневаюсь, что в Эстонии не поверят в эту реальность. И напрасно. Сталинизм сам по себе абсурд, тем более, в реликтовом состоянии, в каком он сохранился в БССР. Все это, должен сказать, стимулирует чувство юмора у наших сограждан (национальная особенность). Но при всем при этом не следует забывать, что этот «неореликтовый» сталинизм умеет убивать не хуже «классического», даром, что дубиной и саперной лопатой. Поэтому отнесемся к нему серьезно.

МИНСК — ТАЛЛИНН.

"Согласие" /выданьне "Саюдзіса"/, 17 лютага 1989 — "Навіны".

Четыре возрождения белорусской нации

Адам Иосифович Мальдис — член оргкомитета Белорусского народного фронта, доктор филологических наук, член Союза писателей БССР, лауреат Государственной премии БССР. Наши корреспонденты встретились с ним в Вильнюсе, на учредительном собрании Товарищества белорусской культуры при Литовском фонде культуры. Сокращенное изложение беседы с ним мы и предлагаем Вашему вниманию.

В чем была уязвимость нашего оргкомитета, когда мы собирались на первые заседания? Достаточно было опубликовать список членов, и сразу становилось ясно — интеллигенция! Писатели, историки, ученые. Мы знали, что на собраниях в трудовых коллективах говорили: «Смотрите, да это же кучка интеллигентов, которым нечего делать.. Она волнуется. В отрыве от масс... А массам это не нужно...» Но оказалось, массы пошли за оргкомитетом, у которого теперь много групп поддержки среди рабочих. Пришли люди с заводов и сказали, что массам это нужно...

Мне нравится, что в Литве не фронт, а Движение. Я тоже выступал за такое название. Почему? Слово «фронт» порой действует, как красное полотнище на корриде... Мы уже слишком много лозунгов слышали и произносили, а сейчас нужны конкретные действия. Ведь в Белоруссии безнадежно отстали в формировании национального начала. Было много ошибок. Но, с другой стороны, это «отставание» может помочь нам, не торопясь, обдумать все, приглядеться, избежать таких крайностей, которые возникли, скажем, в Латвии, где одна часть общества начала «поедать» другую, тоже прогрессивную. Во имя чего? Нужно говорить о единстве всех перестроечных сил, а не о расколе. К сожалению, и у нас тоже идут на конфронтацию. Уже слышны разговоры о необходимости интерфронта. Против кого? Национального фронта? А может быть, дело в названии: именуй мы себя не Белорусским народным фронтом, а Народным фронтом Белоруссии, то это объединило бы все силы? Ну, а на бытовом уровне — так же, как и в Литве: сомнения, волнения...

Ситуация в Белоруссии отличается от других республик. Ведь белорусы в свое время не успели сформироваться как нация. Почему это произошло? У Василя Быкова в повести «Карьер» есть сцена, где предатель во время фашистской оккупации рассуждает примерно так: белорусы проспали когда-то свой поезд, поэтому теперь все равно, на каком поезде ехать — своем, чужом, фашистском... Это звучит как оправдание предательства. Однако вспомним, что наш поезд очень хорошо начал движение в XV—XVI столетиях—даже опережал литовский. Почему я так говорю? Первые белорусские книги в Праге и Вильнюсе были изданы раньше, чем книга Мажвидаса. Во времена Великого княжества Литовского, в состав которого входили и белорусские земли, литовско-белорусские летописи, грамоты великих князей литовских. Литовский Статут писались на белорусском языке. Во времена Скорины в Вильнюсе в городской Раде половина советников была из православных и половина — из католиков-литовцев. И царила удивительная толерантность. Иностранцы, приезжавшие тогда в Великое княжество Литовское удивлялись: как мирно уживаются православные и католики, белорусы, или как тогда говорили «русины», и литовцы, вместе борются против крестоносцев и монголо-татарской Орды. А в середине XVI в. белорусские магнаты в погоне за привилегиями приняли католическую веру. Пересели на «польский поезд» — престижа ради. Это была измена своему народу. А потом маятник уже качался из стороны в сторону: полонизация — русификация.

У белорусов и литовцев никогда не было оснований для взаимной враждебности. Порой и белорусские, и литовские историки утверждают, будто объединение в единое государство — Великое княжество Литовское — соответствовало только интересам литовцев, завоевавших и уничтожавших «русинов». Конечно, бывали феодальные распри, но не на национальной же почве. Объединение наших народов приносило взаимную пользу. Мы взаимодополняли друг друга: у литовцев государственная власть и воинство были лучше организованы, а так как белорусы раньше приняли христианство, то у нас культурные, книжные традиции были сильнее и глубже. Однако своей письменности, языка литовцам мы тогда не навязывали. Все шло естественным путем. Причем, значительную роль играли женщины-матери, разговаривавшие с детьми на своем языке. Если жена великого князя литовского «русинка» начинала с ребенком говорить по-белорусски, то язык для него становился родным. Вообще, к слову сказать, мы недооцениваем роль женщины в национальном возрождении.

В XVIII—XIX вв. маятник истории качнулся снова. Белорусы, как и литовцы, очутились в составе царской России... Униатство, насильственно введенное в конце XVI — начале XVII в., позднее стало поистине народной религией и играло прогрессивную роль в становлении белорусского народного и национального самосознания. Но в 30-е годы XIX в. униатская церковь была насильственно ликвидирована. И белорусы встали перед выбором: католическая церковь означала для них полонизацию, а православная — русификацию. Считалось: если ты католик — то поляк, а если православный — то русский. В этом одна из бед нашего народа — национальное и религиозное постоянно смешивались. Католическое духовенство оставалось, в основном, враждебным белорусскому национальному движению, но и православное — тоже.

Между прочим, особой поддержки нашему движению со стороны духовенства мы не ощущаем и сегодня. Исключение — ксендз Чернявский из Вишнева, ведущий богослужения на белорусском языке, да два-три православных священника. А вот в литовском национальном движении религиозные деятели сыграли исключительную роль. И в прошлом (вспомним Баранаускаса, Майрониса), и теперь. К сожалению, у нас таких примеров мало. Правда, на нашей конференции, посвященной Тысячелетию крещения Руси, часть духовенства выступала уже на белорусском языке, что лет 20—30 назад было немыслимо. Договорились, что надо заново перевести Священное Писание на белорусский язык. Представьте себе такую ситуацию: как-то в моей родной деревне меня навещает незнакомая женщина из отдаленного села. Оказывается, она всегда исповедывалась ксендзу Чернявскому в Вишневе, а будучи в гостях в Ошмянском районе, пошла к местному ксендзу. Как привыкла, начала говорить на родном языке... Но ксендз ее остановил: «Не на простом говори, а на человеческом!» И привел ей такой аргумент: «Матерь Божья — венец державы Польской. Так как же дойдут до нее твои молитвы, если ты к ней обращаешься на другом языке?». Вот женщина и засомневалась: как ей быть? Мои слова, что перед Богом все языки равны, по-моему, ее не очень-то убедили...

Итак, корни белорусской нации были размыты... Еще один подъем — начало XX в. Он связан с Вильнюсом. Здесь ведь выходили первые легальные белорусские газеты — «Наша доля», «Наша ніва». Здесь жили Купала, Колас, Тетка, Змитрок Бядуля, Максим Горецкий. Вспомните, как они помогали друг другу! Тетка и Билюнас, Янка Купала и Людас Гира, Янка Купала и Мария Ластаускене. Статьи Л. Гиры о Я. Купале раньше неохотно переводились и печатались белорусскими исследователями: литовский поэт советует другу больше писать об общечеловеческих ценностях, а не только о мужицких делах. Дело все в том, что литовская литература той поры, к началу XX в. была на «порядок» выше. И Л. Гира уже прекрасно понимал ограниченность «мужицкой» музы Я. Купалы, влиял на него положительно, что, как мне кажется, сказалось в романтической поэме «Яна і я».

А потом был ленинский период — 20-е годы. Наш поезд начал набирать скорость. Произошел бурный всплеск национального самосознания и развития национальной культуры. В литературу пришли буквально сотни талантливых перьев из деревни. Успешно шла белорусизация. Ибо и верхи тогда заговорили по-белорусски: руководители республики — Червяков, Адамович — поднимали престиж языка, когда приехав в деревню, общались с мужиком по-белорусски. Тот уже смекал: значит, не только мы говорим на этом языке... Вот этого-то нам и не хватает сегодня — престижа родного языка. А дальше... Литва не пережила такого 37-го года, как мы. Любая попытка защитить родную культуру, литературу, язык воспринималась тогда как национал-фашизм. И с той поры у части уцелевшей белорусской интеллигенции поселился в душе страх...

Между тем, белорусско-литовские связи продолжались. В Каунасе в 20-е годы издавался белорусский журнал «Крывіч», в 30-е годы существовало Белорусское культурное общество, ставившее спектакли и выезжавшее с ними в белорусские деревни в Литве (в Минске в библиотеке АН БССР хранятся рукописные фонды этих организаций). В Вильнюсском крае также собрались довольно значительные культурные силы. Но и сюда пришел свой 37-й — только в 39—40-м... Большинство живших в Вильнюсе белорусских литераторов были репрессированы, погибли в местах «не столь отдаленных». Сейчас нам совместно предстоит вернуть им доброе имя... В результате репрессий — физических и духовных — нация белорусская была обескровлена. После каждого возрождения, очень короткой «весны», наступали суровые заморозки. Поэтому теперь задача перед нами стоит очень нелегкая. Вот читательница «Возрождения» из Каунаса пишет, что раз белорусы сами отказываются говорить по белорусски, то нечего для них школу в Вильнюсе открывать... Все значительно сложнее и трагичнее... В 60—70-е годы наши чиновники в погоне за привилегиями, как это уже было и в XVI, и в XIX вв., предали свой народ, ухватившись за лозунг «слияния наций»: кто первый прибежит к цели — тот и коврижку побольше получит. Вот и отрекались от национального во имя карьеры. Мне кажется, все это очень точно определил В. И. Ленин, писавший, что обрусевшие инородцы всегде пересаливают по части истинно русского настроения... Ну, а на бытовом уровне... Помню, ехал из своего Гудогая в Минск с одной знакомой. Пока шли к поезду, пока ехали в вагоне, она еще говорила по-белорусски, а ступив на перрон в Минске, сразу же перешла на русский. Спрашиваю: «Чаму вы, цётка, так раптам змянілі сваю мову?» — «Так то ж мы в город приехали. Тут соромно говорить по-белорусски». В Островецком районе многие мои земляки по-прежнему называют свой язык не белорусским, а «простым», «тутэйшай мовай». Значит, процесс формирования национального самосознания еще идет и будет идти долго, болезненно, в конфликтах. Еще совсем недавно не было в Минске ни одной белорусской школы. Белорусский язык преподавался лишь как предмет. Но и от него, по желанию родителей, освобождали. Выглядело это очень «демократично»: родители просят — чадо освобождают. Освобождают детей от родного языка!.. Сейчас положение меняется, школ стало больше, часть молодежи заговорила на родном языке. В основном это — неформальные объединения. Национальный нигилизм как болезнь поразил наши главные органы — мозг и сердце: систему образования и систему культуры. Молодежь требует: немедленно перевести все школы и детские сады на белорусский язык! А преподавать там кто будет? Нужны кадры. В первую очередь надо переводить на родной язык высшую школу. У нас идут дебаты о государственном статусе белорусского языка. Статус можно утвердить. Но если не будет престижа, а он зарождается сверху, то ничего не изменится.

Мне кажется, надо чаще встречаться нам — литовской и белорусской интеллигенции. Ведь сейчас на наши отношения наслаиваются недоразумения, которым не должно быть места. Нужно говорить о болевых моментах и конструктивно решать проблемы. Во-первых, и у вас и у нас много говорится о литовских деревнях в Островецком, Вороновском районах. Безусловно, ненормально, что там нет литовских школ, культурных учреждений. И в костеле должен служить ксендз-литовец. Но вот я недавно видел статью, присланную в одну из наших газет (пока не напечатанную, поэтому я не назову имя автора, человека заслуженного, знающего). Он упрекает нас в том, будто белорусы виноваты, что там нет литовских школ. Но автор не задался вопросом: а рядом, в Островце, скажем, есть белорусские школы? Тоже нет. Не белорусы закрывали костелы в Вороновском районе, а те, кто повинен в застое, одинаково преследовали и тех, и других. Надо собраться и решить конкретно, что и кому делать. Я с удивлением услышал от некоторых литовцев, что раз у вас там такое положение, то давайте эти села присоединим к Литве. Но все ведь куда сложнее. Ведь сегодня литовские «вкрапления» отделены полосами проживания белорусов. Поэтому такой конфронтационный путь кажется мне неконструктивным. А белорусское население в Литве: разве у него есть свои школы? Может быть, кому-то хочется на этой почве нас поссорить? Значит, надо нам действовать в согласии, не выдумывая взаимных обид...

Второй вопрос, который, мне кажется, нам надо решать сообща — возвращение современности имен тех, кто работал на белорусско-литовском литературном пограничье, а потом безвинно пострадал. Документов о погибших писателях порой у нас нет, о некоторых мы практически ничего не знаем — даже их дат жизни. Хочу назвать лишь несколько писательских имен, связанных с Вильнюсом: Франук Тришкевич, Костович (псевдоним Макар Кравцов), Владимир Самойла. Если кто-то из читателей знает о судьбе этих людей — откликнитесь, сообщите нам!

Еще одна проблема — Белорусский музей в Вильнюсе. В начале века с помощью энтузиастов его создавал просветитель Иван Луцкевич. Музей находился в Старом городе, в «Базилианских мурах», там же была и белорусская гимназия. В музее хранилось богатое собрание книг, рукописей, картин, слуцких поясов, уречского и налибоцкого стекла. В 1946 г. его ликвидировали. Делали это люди некомпетентные, негласно, в спешке. Коллекции оказались разрозненными. Часть из них привезли в Минск, но большая часть осталась в Вильнюсе. Рукописи и книги попали в библиотеку Академии наук, все газеты — в спецфонд, хотя это были издания революционно-демократические и преследовались польским буржуазным правительством. Опять они, как когда-то, вне закона. Произведения искусства оказались в запасниках Литовского музея истории и этнографии. Я возглавляю комиссию Белорусского фонда культуры по возвращению наших культурных ценностей в республику, раньше не раз выступал за то, чтобы экспонаты Белорусского музея были перевезены в Минск. Но теперь, когда образовалось Товарищество белорусской культуры в Литве, когда изменились условия, возник Саюдис, мы могли бы решить эту проблему иначе. Появилась альтернатива — возродить музей в Вильнюсе, в прежнем помещении. Я чувствую, что более конструктивно, более справедливо все-таки предложение вильнюсцев — восстановить музей, существовавший до сталинских времен. Пусть два наших фонда культуры — Литовский и Белорусский — станут «крестными отцами» этого чада. Скорее даже не новорожденного, а реанимированного.

Безусловно, возрождение национального самосознания и государственность взаимосвязаны. Формально дела в Белоруссии обстоят благополучно: республика — член ООН, входит в ЮНЕСКО. Но ведь дело не в форме, а в содержании. Вопрос о реальном суверенитете Белоруссии подняли низы, а вот верхи сначала встретили его очень болезненно. Скажем, республиканский хозрасчет. Наша молодежь, предлагавшая его ввести, немало пострадала. А сейчас в БССР это уже государственная политика...

Главная задача БНФ сегодня — выработка конструктивной программы. Большинство ее разделов уже подготовлено. Мы учитываем нашу специфику. Нелепо было бы взять программу Саюдиса (или латышей, эстонцев, Уральского народного фронта) и механически ее повторить. «Специфика» наша состоит в том, что, если в других местах есть основания говорить об избытке национальных чувств, то в Белоруссии их явно не хватает, не хватает патриотизма, корней, связи с землей.

Каковы перспективы Белорусского народного фронта? Очевидно, каждое дитя должно родиться в положенный срок. Правда, мы живем в ускоренное время, и я, будучи оптимистом, думаю, что ребенок родится досрочно, здоровым и жизнеспособным... Ведь та революция «сверху», которая началась в нашей стране и направлена против застойно-бюрократического аппарата, часто не срабатывает. Аппарат-то оказался довольно крепким орешком и от одного давления сверху просто выскальзывает. Значит, нужно взять его в клещи — сверху и снизу. И — чтобы обе части клещей действовали вместе, в согласии...

Нам всем памятна оттепель 50-х годов. Увы, она окончилась новыми заморозками... То, что мы переживаем ныне в Белоруссии, одни называют четвертым, другие — пятым возрождением. И дай Бог, чтобы оно было долгим, и настоящим. Чтобы после дружной весны было долгое и теплое лето, щедрая осень!

ПАПРАУКА

Рэдакцыя прыносіць прабачэньне за памылку ў № 4'1989. На стар. 4, правы слупок, радкі 29 — 32 зьверху трэба чытаць: Зенон Позняк, старший научный сотрудник Ин-та истории АН БССР; Наталья Котвицкая, зав. учебно-методическим кабинетом истории КПСС Белорусского института физкультуры.

"Согласие", I9 красавіка 1989 — "Навіны".

В последние предвыборные дни

Бюрократические власти в Белоруссии приступили к физической расправе над [illegible] Белорусского народного фронта. 25 марта с. г. во время предвыборного пикетирования в городе Барановичи был зверски избит милицией член оргкомитета Белорусского народного фронта, известный белорусский художник, член Союза художников СССР Сымон Свистунович. Он стоял в пикете, призывавшем голосовать против председателя Агропрома БССР Хусаинова. Обманным путем Свистунович был оторван милицией из пикета и схвачен. Шестеро милиционеров во главе с начальником милиции и прокурором города окружили 43-летнего художника, затащили в соседнее здание — кинотеатр «[illegible]», и по-садистски избили его сапогами, кулаками, применяли специальные болевые приемы и истязания, сорвали с него одежду, приговаривая: «Мы тебе покажем свободу, мы тебе покажем перестройку». Руководил избиением прокурор города. При этом на площади около кинотеатра находилось все партийное руководство Барановичей. Художника вырвали из рук истязателей рабочие-пикетчики, которых собралось перед кинотеатром около тысячи. Они же вызвали скорую медицинскую помощь и отвезли его в больницу. Милиция и прокуратура города, совершившие это преступление, отказались выдать потерпевшему направление для прохождения судебно-медицинской экспертизы. Милицейско-бюрократическая мафия в Белоруссии открыто возвращается к методам сталинского насилия над личностью и людьми.

В ночь с 24 на 25 марта с. г. органы пожарной охраны и милиции под предлогом поиска взрывчатого вещества ворвались в здание Минского Дома литератора и перепроверили все комнаты. Потом была взломана дверь в один из кабинетов и произведен тотальный обыск без санкции прокурора, без присутствия владельца кабинета. При этом пожарники и милиция забрали, точнее, украли 10 000 экземпляров газеты «Навіны» Белорусского народного фронта с проектом программы БНФ, а также около 1000 экз. газеты из Литвы «Согласие».

Аналогичную операцию органы милиции и пожарной охраны проделали и в помещении городской районной рады групп поддержки БНФ Первомайского района Минска. Была взломана дверь и шкаф, из которого они похитили помимо газет 12 000 агитационных листовок за кандидатов в депутаты. Белорусскому народному фронту нанесен урон более чем на 10 000 рублей, собранных народом на печатные издания.

Сталинизм в Белорусской республике приступил к репрессивным уголовным действиям. Снова перед обществом вырастает призрак государственного преступления.

25 марта минской милицией была подавлена попытка студентов Белорусского государственного театрально-художественного института провести митинг в ознаменование 71-й годовщины Белорусской Народной республики. Репрессивная акция была заранее спланирована. Милиция без предупреждения напала на студентов и начала их жестоко избивать. 30 студентов задержаны.

События этих трех дней выразительно характеризуют реликтовое сталинистское руководство республики, его уровень и качество. Сейчас оно готовит указ о запрещении всякой неофициальной печати в БССР, чтобы лишить возможности общения с народом независимые общественные организации. Кризис давно назрел. Мы созерцаем агонию руководителей, ненавидящих белорусский народ. Давно известно, что прежде чем начать перестройку системы, необходимо первым делом сменить ее бездарных руководителей.

Зенон ПОЗНЯК,
член Оргкомитета Белорусского народного фронта «Адраджэньне»

P. S. Прошли выборы, и Хусаинов и Галко не избраны в народные депутаты. Вот ответ избирателей на преступления бюрократии.

Страсти по... Наталье

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА
Руководству Белорусского государственного института физической культуры
от заведующей учебно-методическим кабинетом кафедры истории КПСС и политэкономии Котвицкой Натальи Максимовны

Ставлю вас в известность, что в соответствии с Законом о выборах мною по поручению оргкомитета Белорусского народного фронта за перестройку «Адраджэньне» проведено собрание руководителей районных групп поддержки БНФ. Собрание было посвящено организации предвыборной агитации в связи с тем, что именно по нашему территориальному округу баллотируется первый секретарь Минского горкома Компартии Белоруссии гражданин Галко В. Г., повинный в антизаконных действиях милиции, направленных против минчан, 30 октября 1988 г.

Собрание прошло на высоком идейно-политическом и нравственном уровне, никаких отступлений от линии XXVII съезда КПСС и решений XIX партконференции не было. Проведено оно было в мое нерабочее время в свободных помещениях кафедры истории КПСС и политэкономии, что также оказало большое воздействие на моральный дух присутствующих (витрины с произведениями классиков марксизма-ленинизма, газеты, стенды, посвященные выборам, государственная символика и т. д.).

Расходясь, присутствовавшие отмечали высокий уровень организации и благожелательную атмосферу.

Прошу рассмотреть вопрос о целесообразности превращения учебно-методических кабинетов кафедр общественных наук Белорусского государственного института физической культуры в «Центр гласности» Фрунзенского района г. Минска по организации предвыборной кампании в районе. Этот шаг будет отвечать духу требований Политбюро ЦК КПСС и значительно поднимет авторитет вуза в городе и республике.

23 февраля 1989 г.

Н. М. КОТВИЦКАЯ

Выдержки из выступлений на собрании совета трудового коллектива партийно-профсоюзного, комсомольского актива Белорусского государственного института физической культуры (г. Минск) 25 февраля 1989 г.

Повестка дня: задачи трудового коллектива по усилению организационной и идеологической работы на решающем этапе предвыборной кампании.

МИРОНОВ В., секретарь парткома: (...) Сейчас очень активно включились в предвыборную кампанию неформальные движения. Вы знаете из прессы, что ведущие скрипки играют тут сторонники движений, именующих себя народными фронтами. Спекулируя фразами, бойкотируют выборную кампанию, чернят сторонников кандидатов, выдвинутых трудовыми коллективами, парторганами... Если не удается протащить своего кандидата, идут на любые провокации... Мы видим истинное лицо, истинный почерк этих представителей народных фронтов.

30 января принято постановление Политбюро ЦК КПСС о мерах противодействия попыткам антисоциалистических элементов создать оппозиционные КПСС политические структуры. Там сказано, куда поворачивают лидеры экстремистских объединений. Острота ситуации ощущается и у нас. Котвицкая была предупреждена, чтоб никаких самовольных агитационных действий не проявляла, но она ослушалась, провела собрание. Я думаю, что сегодня выступающие товарищи выскажутся по этому поводу.

СТЕШИН А., заведующий учебно-методическим кабинетом кафедры философии и научного коммунизма: (...) Я случайно оказался на этом собрании. Выступала Котвицкая и какой-то седой писатель.

СОКОЛОВ В., ректор БГИФК: Раз хулигански ворвались в институт, надо знать фамилии. Кто они? Мы сообщим им на работу для принятия мер. Вас сюда поставили не проводить ликбез, агитировать за Народный фронт. Мы должны в корне осудить хулиганскую акцию. Я советовался с прокурором. Котвицкая юридически не права. В Законе о выборах об этом ничего не сказано.

СОКОЛОВ: Главная ее позиция, обратите внимание — все выступающие называют ее Наталья Максимовна, уважаемая Наталья Максимовна, а она? Посмотрите, насколько бестактна, какая наглость в ней выпирает: даже в объяснительной записке она первого секретаря горкома партии товарища Галко В. Г. называет «гражданином»! Предлагает создать в институте центр гласности. Куда простирается ее наглая беспардонность? Сколько студентов вы охватили подпиской? Не интересовались? А сколько раздали «Аргументов и фактов», заигрывая с людьми? Это экстремисты, люди, ностальгирующие по власти. Каковы они, мы можем судить по той же Котвицкой. Витушка — главарь «Талаки» — недорезанный недообразованный тип, даже от службы в армии увильнул. Товарищ Галко корреспондентку приводил домой и показывал пустой холодильник. У секретаря горкома в холодильнике пусто! А Котвицкая мешает нам работать, дискредитирует наш коллектив. Их не убедишь, им нужна власть, чтобы разрушить все. 30 октября им не дали всех слопать! Почему они 30-го не пошли с лопатами копать могилы? А наши студенты привели в порядок 200 могил!

К чему они призывают? Отделиться от СССР, реставрировать капитализм. Литва уже обложена нашими дивизиями. Ползучая контрреволюция! Поступок Котвицкой стал достоянием республики. Над нами смеются: «Эти инфантильные физкультурники проморгали...» Где тут демократия, где гласность?

ЧКАЛОВ Б., начальник отдела кадров: (...) Как можно воспитывать студентов, если поставили руководителем агитколлектива, позволяем работать доцентом человеку, который поддерживает работу Котвицкой (речь идет о Семенюке В. А. — Ред.)... Скоро Котвицкая доберется до общежития.

СОКОЛОВ: Я прикажу, чтобы студенты выбросили ее с 16 этажа...

ГОЛОС С МЕСТА: У нас в повестке дня стоит вопрос о проведении предвыборной кампании, а мы все сводим к Котвицкой.

СОКОЛОВ: Этим мы и занимаемся. Это отщепенцы! Экстремисты! Их надо призвать к порядку. Время дискуссий прошло. Горбачев решил призвать их к порядку.

ТРУШКЕВИЧ Я., старший лаборант кафедры педагогики: Я уже третий раз слышу как вы делаете с трибуны такие заявления. Это что — точка зрения партии или личная точка зрения?

СОКОЛОВ: А как бы вы себя вели, если бы вашу дочь изнасиловали на улице? Как вели бы себя, если бы эти экстремисты без разрешения ворвались в ваш дом? Вся эта пена на волне перестройки насилует на улице наших детей, друг друга. Надо действовать, решительно. Если вы читаете «Аргументы и факты», сводку МВД, волосы встают дыбом. Если ее ребенка изнасилуют, она по-другому заговорит. Нам надо обязательно осудить Котвицкую.

КОТЮХ Н., начальник ГО, бывший работник КГБ: Их энергия не подходит к тем переменам, о которых говорит Горбачев. Ничего конструктивного они не предлагают, а только сеют смуту. Такой человек, как Котвицкая, даже соприкасаться со студентами не может ни одного дня!

МОШКОВ Ю., декан: Дайте им в руки карабины, они и стрелять начнут. Вот до чего доходит! Почитайте «Правду»! Котвицкая первого секретаря горкома называет «гражданином», а в Эстонии уже называют «господа». Надо воевать с ними!

СОКОЛОВ: Попробуйте вечером зайти в ресторан. Там одни наперсточники сидят. Покажут на женщину и делают с ней, что хотят. Это все неформалы.

РАЙЛИН Н., из АХЧ: Я был на стадионе. Так они микрофоны друг у друга вырывают, не боятся, что их освистают. Надо и нам не бояться проявлять активность. Не одна Котвицкая у нас в институте есть. Семенюк тоже. Им нет места в нашем трудовом коллективе.

Мебели в институте не хватает. Нет чтобы они создали кооператив по ремонту мебели... Им власть подавай! Ничего не делаете, ничего не даете обществу, только болтаете.

БЕЗНОСИКОВ, заведующий кафедрой массовых форм физкультурно-оздоровительной работы: Вы недооцениваете назревшую ситуацию. Мы собрались узким кругом для выборов выборщиков на окружное собрание. Она свою кандидатуру выдвинула и собрала 21 голос из 74 при открытом голосовании. А если бы тайном? Да на собрании всех сотрудников? Недооценивать Котвицкую нельзя.

ДАШИНСКИЙ А., преподаватель кафедры производственной физкультуры: Я не согласен с Соколовым, что прошло время уговоров, объяснений, доказательств. Наоборот, это время только настает.

СОКОЛОВ: Мы будем размежевываться с ними. Если есть у нас коммунисты, принадлежащие Народному фронту, они должны решить — или с нами, или... Семенюку надо отречься от Котвицкой. Если нет, надо ставить вопрос об исключении его из партии.

ГОЛОС С МЕСТА: Уже поставлен. Будем во вторник решать.

СОКОЛОВ: Работать надо. Надо было, я пошел со студентами в лыжный поход... Надо — выходил на сцену и пел...

ДЗЮБА О., старший преподаватель кафедры плавания: Надо посадить пять студентов с хронометрами возле Котвицкой и фиксировать, чем она занимается на работе. Она должна оплатить использование служебного помещения не по назначению... У нас окна выбиты, воровство всюду. Студенты гадят прямо на лестничных клетках. Загажено общежитие. Поэтому надо избавляться от таких, как Котвицкая. Или отдать институт военным... Проглядели мы ее...

СОКОЛОВ: Слово от преподавателей кафедр общественных наук имеет партгрупорг кафедры, где работает Котвицкая.

АКУЛИЧ М.: Как завкабинетом Котвицкая полностью перешла на политическую деятельность. Из конфликта 1987 г. Котвицкая вышла чистой и незапятнанной, а мы все, завкафедрами, получили взыскания. 22 февраля Котвицкая нарушила демократию и гласность. Любое дело надо делать чистыми руками. Мы все единодушно ее осуждаем и считаем, что ей не место в нашем коллективе.

ВИЛЬКИН Я., заведующий кафедрой управления физкультурным движением: Я только что из Прибалтики. Там всюду антисоветские плакаты.

КРЯЖ В., заведующий кафедрой теории физической культуры: И Эстония и Литва являются наставниками нашего Народного фронта, вы только подумайте — молодежь предлагает ввести ценз оседлости, инакомыслящих выселить, национальный язык провозгласить государственным. Ввести свою валюту. В Эстонии 40—60 процентов денег выдавать в эстонской валюте, а 40 — в советской. То есть эстонцы могут покупать у нас, а мы у них — нет. Они предлагают самостоятельный выход на рынки Запада, вплоть до выхода из СССР. Обещают через год создать свой Монте-Карло. Но всем их лидерам наплевать на эстонский народ, на белорусский народ. Мы не верим ни одному их слову. Это — красный фашизм.

СОКОЛОВ: Белорусский Народный фронт опекают самые ярые прибалты, а тех опекает ЦРУ, так что их убеждать — бессмысленно. Надо брать и выбрасывать!

МИРОНОВ В.: В нашем институте набирает силу экстремизм. Партийной организации надо принять меры по противодействию. До чего дошло! Смотрю, Семенюк на окружном предвыборном собрании во Дворце культуры тонкосуконного комбината голосовал за позицию Народного фронта, идущую вразрез с политикой нашей партии. Его поведение будет расследоваться. Во вторник рассмотрим выполнение им уставных требований. Если не осознает, будем исключать.

Зачитывается постановление. Голосуют. Воздержавшихся — двое, остальные — за.

Нумар падрыхтавалі А.Суша, І.Дрозд.